

Когда накануне мексиканского чемпионата мира 1970 года его вратарская слава была в зените, появилось новое, расширенное издание книги Н.П. Старостина «Звезды большого футбола», в которой 29-летнему Анзору было отведено более двух книжных страниц. Сначала, как водится, шло упоминание о его дебюте в тбилисском «Динамо», где тренеры не спешили включать этого парня даже в дубль своей команды: тогда в ее воротах царствовал Владимир Маргания, через несколько лет погибший в автомобильной катастрофе. 17-летнему Анзору предстояло совершенствоваться и ждать своего часа. Он этого не пожелал, зная, как трудно оказаться пророком в своем отечестве.

«И вот осенью 1958 года, — пишет Н.П. Старостин, — на подмосковной базе «Спартак» внезапно появляется очаровательный грузин, с акцентом объясняющийся на русском языке. Он хочет — всего-навсего — места в воротах лидера чемпионата и владельца Кубка страны. Руководители «Спартака» советуют ему возвратиться домой, намекают, что и в других столичных командах он по молодости лет вряд ли найдет пристанище. Юноша отрицательно качает головой. «Звать будут — не вернусь. Я еще докажу...»

И далее Н.П. Старостин рассказывает о том, как Кавазашвили приился доказывать свою правоту. Сам Лев Яшин вынужден был все чаще уступать ему место в воротах сборной. И еще цитата: «Сколько, казалось, неотразимых голов отвел от ворот «Торпедо» этот чудесный грузин, уже почти утративший свой южный акцент! Тбилисские футбольные наставники теперь рады бы вернуть своего воспитанника. Но игрок номер один нашей сборной верен своему слову: «Звать будут — не поеду...»

В минувшую пятницу, идя на встречу с Кавазашвили, я захватил с собой «Звезды большого футбола», и, прежде чем начать разговор, мы с юбилем перечитали эти старостинские строки о нем. Он улыбался, и я видел перед собой не 60-летнего человека, а все того же, почти не поседевшего густоволосого красавца в распахнутой по жаре рубашке с короткими рукавами, которого видел на поле и за его пределами тридцать лет назад...

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА АНЗОРА КАВАЗАШВИЛИ

— Как-то так получилось, Анзор Амберкович, что с тбилисским «Динамо», да и вообще с грузинским футболом, вам в жизни не повезло. Столичное «Торпедо», «Спартак», сборная СССР — вот самые значительные этапы вашей футбольной карьеры. А Грузия осталась где-то в стороне. Вы не находите?

— У меня в Грузии масса друзей. Я знаю, что меня там всегда любили, и я всех своих друзей люблю. Это — на всю жизнь. Осталась, может быть, детская обида на тренеров, но тут и мой собственный характер виноват. С юности видел себя только вратарем основного состава.

— Вы имеете в виду свою поездку в Тарасовку и встречу со Старостиным?

— Я очень благодарен Николаю Петровичу Старостину за все те добрые слова, которые он написал обо мне в своей книге. Она у меня есть с его автографом, постеснялся только ему напомнить, что приехал в Тарасовку не в 58-м, а двумя годами раньше, когда мне было 16 лет и я за-

щищал ворота юношеской сборной Грузии.

— Думаю, Николай Петрович в очередном переиздании «Звезд» обязательно учел бы эту разницу в два года — ведь это тем более удивительно!

— По сути, он все правильно написал. Я начал в Батуми, в десять лет сам создал дворовую команду, потом меня заметили тренеры, пригласили в юношескую сборную Аджарии, из нее — в сборную Грузии, и мы оказались в Москве, в финале всесоюзного юношеского турнира. Вот тогда я и поехал один в Тарасов-

ку, потому что одновременно болел за тбилисское «Динамо» и «Спартак».

Приехал, смотрю, двухэтажный деревянный дом стоит, а возле него увидел немолодого человека. Подошел, сказал, что хочу поговорить с кем-нибудь из руководства «Спартака». Он спрашивает: «Ты кто?» Я отвечаю, что из Тбилиси, из сборной Грузии, вратарь. А ростом — я был маленький. Этот человек, которого я в лицо не знал, снова спрашивает: «И чего же ты

— больше не приду!» Этот случай я и по сей день помню, потому что никому больше никогда своих услуг не предлагал.

А затем, в 57-м и 58-м годах, играл в дубле тбилисского «Динамо», засстал еще Владимира Маргания. С начала сезона 1959 года стал выступать за основной состав, потому что Сергей Котрикадзе из-за травмы долго не мог защищать ворота, и я занял его место. Весь первый круг играл, в том числе и в Москве — со «Спартаком»

КАВАЗАШВИЛИ Анзор Амберкович. Родился 19.07.1940. Вратарь. Заслуженный мастер спорта. Выступал за ФШМ (Батуми), «Динамо» (Тбилиси) — 1957 — 59, «Зенит» (Ленинград) — 1960, «Торпедо» (Москва) — 1961 — 68, «Спартак» (Москва) — 1969 — 71. Провел 274 матча в чемпионатах СССР. Чемпион СССР 1965, 1969, 2-й призер 1964. 3-й призер 1968, 1970. Обладатель Кубка СССР 1968, 1971. В «33 лучших» — 6 раз (1 — №1). Лучший вратарь сезонов (приз журнала «Огонек») 1965, 1967. В сборной СССР 30 матчей (1965 — 70). Участник ЧМ-66 (4-е место, 1 матч), ЧЕ-68 (отб.), ЧМ-70 (4 матча). Один из лучших вратарей страны 60-х годов. Много лет работал ответственным секретарем Федерации футбола РСФСР.

ком», «Торпедо»... Мне было 18 лет, а выздоровевший основной вратарь Котригадзе оставался на лавочке. Но после первого круга у меня заболела поясница, я долго лежался, и в воротах до окончания чемпионата страны играл уже Котригадзе. Тбилисское «Динамо» в том сезоне стало бронзовым призером и уехало в Бельгию. А я медали не получил, в зарубежную поездку меня не взяли! Ну не обидно ли? И когда тренер юношеской сборной СССР Жарков Георгий Иванович сказал, что меня хотят видеть в «Зените», я согласился. Весь 60-й год провел в Ленинграде, а потом понравился чем-то Виктору Александровичу Маслову, старшему торпедовскому тренеру, и он меня пригласил в свою команду. Восемь лет играл в «Торпедо», стал чемпионом страны, выступал за сборную, получил звание заслуженного мастера спорта.

— А вернуться в Тбилиси вам не предлагали?

— Конкретно это уже в 68-м произошло. Причем на уровне Спортивного комитета Грузии было принято решение о моем возвращении в тбилисское «Динамо». Сначала Слава Метревели приехал меня уговаривать, потом переговоры вели Гиби Чохели, который был тогда старшим тренером команды. Долго раздумывал, а уговоры не прекращались. Каждый день из Грузии звонили: «Когда приедешь?» Должен сказать, что отношения между «Торпедо» и тбилисским «Динамо» всегда были самыми доброжелательны-

ми: в Грузии любили Эдика Стрельцова, Валерия Воронина, Валю Иванова, да всех торпедовских футболистов любили.

В какой-то момент я для себя решил: раз так усиленно зовут — надо ехать. И попросил руководство торпедовского клуба отпустить меня в Тбилиси. Помню, Аркадий Васильевич Вольский мне сказал: «Анзор, не надо уходить, ты уже обрушился, наш человек, мы оченьуважаем тбилисское «Динамо», но тебя хотим видеть в нашей заводской команде».

В тот же день, а было это в конце ноября или начале декабря 1968 года, звонит Гиби Чохели: «Анзор, как дела?» Отвечаю, что уже подписано заявление, готов взять билет и прилететь в Тбилиси. «Ну, мы все тебя с нетерпением ждем. Немедленно вылетай!» И вдруг

у меня внутри как будто дернулось что-то. Вот говорят — не судьба. Наверное, со мною произошло нечто подобное. Я спрашиваю: «Гиби, скажи, ты меня в основной состав будешь ставить или как?» Он говорит: «А кто из вас будет лучше играть — ты или Рамаз Урушадзе, того и поставлю». Я ему: «Что-что? Смеешься, Гиби? Я почти первый вратарь в сборной, и ты меня на игру можешь не поставить?» И слышу: «А по-другому я поступать не буду». Вот, значит, как! Тогда, говорю, извини меня, Гиби, я к вам не приеду. И положил трубку.

А через пять минут телефон опять зазвонил. Но это уже не из Тбилиси звонили, узнал голос спартаковца Анатолия Коршунова. «Анзорчик, я по поручению Николая Петровича Старостина». Справа

1964 год. Торпедовский вратарь Анзор КАВАЗАШВИЛИ выигрывает очередную воздушную дузль у центрофорварда киевского «Динамо» Виктора КАНЕВСКОГО. А на втором плане — не кто иной, как Валерий ЛОБАНОВСКИЙ.

шиваю: какое, мол, поручение? «Как какое? Да к нам в «Спартак». Даже весело стало. «Откуда ты знаешь, что мне заявление об уходе в «Торпедо» подписали?» «Мы всё знаем!» Как будто умудрились наш телефонный разговор с Чохели подслушать. Ладно, говорю, тем более я за «Спартак» с детства болел. «Какие твои условия? Мы их все выполним». А мне никаких условий не нужно: квартира шикарная, машина... «О, еще лучше», — обрадовался Анатолий, — значит, завтра в 10 утра мы тебя ждем». Я приехал на следующее утро к назначенному сроку, написал заявление и стал спартаковцем. Можно сказать, совершенно случайно стал. А ведь это была судьба.

— И все-таки, Анзор Амберкович, еще один шанс оказался в грузинском футболе вы постарались не упустить. Ушли из «Спартака» на тренерскую работу в Кутаиси.

— Это в конце 71-го произошло, когда я играл в воротах уже без перчаток: занозил большой палец на левой руке, началось нагноение, пришлось даже делать операцию. На забинтованный палец перчатка не налезала... Мог бы еще, наверное, поиграть, но неожиданно получил приглашение из Кутаиси от городского партийного руководства — стать старшим тренером кутаисского «Торпедо», которое выступало в первой лиге. Тоже согласился не сразу, уговоры шли два или три месяца.

Я пришел к Николаю Петровичу Старостину и объяснил ему эту ситуацию. Он спросил: «Не рановато?» Может, рановато, отвечаю, но, с другой стороны, у меня в последнее время что-нибудь да болит: то спина, то рука, то еще какая напасть... «Смотри, Анзор, если ты так решил, желаю тебе удачи». «А вы мне отдадите кое-кого из игроков, которые сейчас «Спартаку» не нужны?» «Кого ты

хочешь взять с собой?» «Джамала Силагадзе, Володю Петрова, он уже сошел, в дубле играет».

С ними и отправился в Кутаиси, еще к нам присоединились Саша Ленев из «Торпедо», Юра Миронов — отличная команда получилась, три месяца готовились, в чемпионате на первом месте шли. А после, как это чаще всего бывает, свои же и подкузмили. Вдруг втихаря пригласили Всеволода Блинкова, знаменитого в прошлом динамовского полузащитника, и поставили меня в раздевалке перед фактом: «Теперь Всеволод Константинович будет старшим тренером команды, извините, пожалуйста, мы так решили». Ну, тут я уже окончательно обиделся...

— Получается, как написал Старостин, нет пророка в своем отечестве. Обиделись на Грузию?

1965 год. После матча сборных СССР и Бразилии. Снимок на память: Слава МЕТРЕВЕЛИ, ПЕЛЕ, Анзор КАВАЗАШВИЛИ, сзади — Георгий РЯБОВ.

— Да что вы! Это обида не на Грузию. Просто появляются какие-то люди и хотят сделать все по-своему, как они считают нужным. А мне говорят: «Дорогой Анзор, вы классный вратарь, вам 32 года, вы можете в основном составе место в воротах занять, а старшим тренером будет другой специалист, опытный, зрелый...»

Вынудили, словом, уйти с поста старшего тренера. А не случись этого, и неизвестно, как потом моя дальнейшая жизнь сложилась бы. Я Высшую школу тренеров окончил,

считаю, был готов пройти себя на новом футбольном поприще также, как и тогда, когда играл в воротах.

Здесь, на мой взгляд, есть смысл сделать небольшое отступление. Обратимся вновь к книге Н.П. Старостина, на этот раз — «Футбол сквозь годы», к главе-вопросу: «Кому руководить футболом?». Вот что в этой главе, в частности, сказано: «Важно вовремя понять: тренерская доля — дело жизни, а не вопрос трудуустройства! Можно многому научить, если человек приходит в команду с мыслью работать, а не приспособиться в футболе. Анзор Кавазашвили, Валентин Афонин, Михаил Фоменко, Виктор Шустиков, Виктор Матвиенко, Валерий Маслов, Галимзян Хусаинов, Анатолий Исаев, Валентин Ива-

чаде, Гвинеев тренировал национальные команды этих стран — и небезуспешно. При мне все они ниже второго места в турнирах Африканского континента не опускались.

— Давайте лучше вспомним «Торпедо» со «Спартаком», союзную сборную, где прошли ваши звездные годы, оставившие в памяти благодарных поклонников нашего футбола столько волнующих воспоминаний.

— В «Торпедо», как я уже говорил, меня взял Виктор Александрович Маслов перед началом сезона-61. Но мне не повезло: из-за травмы, длительного лечения и восстановления я в двух чемпионатах, можно сказать, не играл. А затем, когда многих футболистов «забрали в армию» — в том числе и из «Торпедо», — занял место в воротах, которые защищал до меня Анатолий Глухотко. Начиная с сезона-63 стал основным торпедовским вратарем.

— И пошло-поехало: «Торпедо» — чемпион-65, вас пригласили в сборную, английское первенство мира, самое для нас удачное до сих пор, звание заслуженного мастера спорта...

— С присвоением этого почетного звания тоже история вышла. Мы играли в розыгрыше Кубка кубков с командой «Спартак». Победили дома — 3:0 и отправились на ответный матч. Перед игрой узнаем, что соперники решили у нас 5:0 выиграть, все газеты, начиная с «Рude право», об этом тогда сообщили. Но выигрывать они предпочли своеобразно: лупили по ногам нещадно, особенно Эдику Стрельцову доставалось. Мы крепились, сдерживались, отвечая на грубость забитыми голами. При навесе в нашу штрафную я выходил вперед ловить мяч и попадаю в «коробочку», которую мне устроили два соперника. Падаю, теряю

нов, Эдуард Стрельцов, Эдуард Малофеев. Вот такая получилась сборная «всех времен». В отличие от многих подобных, для ее составления не понадобилось опросов — она реально существует, независимо от вкусов и клубных привязанностей... Ровно одиннадцать заслуженных мастеров спорта окончили Высшую школу тренеров за первые десять лет ее существования».

— Может, и вам довелось бы наподобие Дино Дзоффа в Италии встать потом в Грузии или в России у руля сборной? — Кто знает... Я в

(Трнава). Победили дома — 3:0 и отправились на тренировках заниматься меньше, чем положено, это тоже правда. Мы пахали, заставляли себя преодолевать все трудности учебно-тренировочного процесса, а его от всего этого футбольный Бог, видимо, изначально освободил. Он на поле все умел делать наилучшим образом. Тренеры команд-соперниц, опытные чужие игроки всегда кричали своим молодым: «Не трогайте Эдика, не бейте его!» Потому что если его не трогать, он мог иногда два тайма стоять. Однако сто-

мяч, пытаюсь им вновь завладеть, а они меня бьют по рукам. Мячом я все-таки завладел, но дал в отместку одному из них ногой под зад, а другого, бросившегося на меня с кулаками, опередил боксерским ударом в голову. Чужие игроки тут же на меня напали, но и наши подоспели. Володька Сараеву в этой сваре ухо почти откусили. А судья-голландец убежал на противоположный конец поля и наблюдал оттуда, как мы друг друга волтузим. Кончилось все тем, что до конца игры мы еще один гол забили, победили — 3:1. Никакого послематчевого банкета не было, а я уже в самолете думая: «Все, накрылось мое звание после этой драки!» Прилетаем в Москву, меня вызывают на президиум коллегии Спорткомитета СССР и вместо разноса вручают знак заслуженного мастера спорта и еще отмечают при этом, что сумел постоять за честь советской страны. Все получилось по справедливости: ведь не мы эту драку начали.

— А Стрельцов в ней участвовал?

— Нет. Ему нельзя было. Он тогда ведь на особом положении находился. Знавшие его, до меня отзывались о нем как о бесшабашном человеке, но, когда он вернулся в «Торпедо» после тюремного заключения, конечно, здорово изменился. Приехал лысый, грузный такой, задумчивый, все больше молчал. Курил и молчал. Это был Богом одаренный футболист. Любой, кто с ним в tandemе в основном составе выходил, расцветал на глазах. Но что он на тренировках занимался меньше, чем положено, это тоже правда. Мы пахали, заставляли себя преодолевать все трудности учебно-тренировочного процесса, а его от всего этого футбольный Бог, видимо, изначально освободил. Он на поле все умел делать наилучшим образом. Тренеры команд-соперниц, опытные чужие игроки всегда кричали своим молодым: «Не трогайте Эдика, не бейте его!» Потому что если его не трогать, он мог иногда два тайма стоять. Однако сто-

Азор КАВАЗАШВИЛИ всегда был начеку.

А взять «Спартак» образца 1969 года! Я в воротах — новенький, в защите справа Геннадий Логофет — старенький, в середине Коля Абрамов и Вадик Иванов из московского «Динамо» — новенькие, Коля Киселев, Витюша Папаев, Сережа Ольшанский, Женя Ловчев — тоже все новички в команде. Это уже семь человек. Ну и Гиля Хусаинов с Колей Осянним впереди. И эта, можно сказать, новопечеченная команда стала тогда чемпионом страны. Тяжело дались первые 4 — 5 игр. Вроде давят нас, но добавить

илю зацепить, разозлить Стрельцова, он как танк — остановить его было уже невозможно.

И Валерия Воронина футбольный Бог наградил сверх всякой меры. Вот кто игроком-аристократом был. Никто в «Торпедо» не мог сравниться с ним по интеллекту, может, в нем какие-то гены были заложены, все в него сразу влюблялись — в игрока и человека. Но он на тренировках работал не в пример Стрельцову. И после тренировок оставалась на поле, бил по воротам, шлифовал технику. У него медленный бег был, превосходства над соперниками он добивался за счет своего длинного шага, ну и техника изумительная. Конечно, глупость, что жизнь его так наказала...

Валентин Иванов игроком считался хитрым. А хитрость — это одно из определений ума. У него совсем другая игра: скорость — тормоз, скорость — тормоз. Сбивчивый этот ритм изматывал соперников. Вроде бы он уже рванул с мячом, его кто-то догнать пытается, а Валентин — раз — тормознул, в сторону пошел, мяч корпусом прикрыл, и все это накоротке, на дистанции в два-три метра.

Поделись секретами мастерства с нынешними вратарями, для которых штрафные удары в мастерском исполнении стали почти такими же неотразимыми, как пенальти.

Вратарь должен подходить к своему делу творчески. Возьмем тот же «фирменный» штрафной удар киевлянина Серебряникова. Я знал,

что он подкручивает мяч в «девятку». Если поставишь «стенку», закрывавшую один угол ворот, а сам останешься в другом, то при удачном исполнении штрафного мяч пролетит над «стенкой» и окажется в сетке. Поэтому перед игрой с киевлянами мы договорились с Вадиком Ивановым, что он посередине нашей «стенки» оставляет зазор, чтобы я, расположившись напротив той точки, с которой Серебряников бьет штрафной, видел мяч в момент нанесения удара. В том киевском матче осенью 1969 года Серебряников сначала закрутил мяч со штрафного в одну «девятку», а затем, когда судья Хармс решил, что этот штрафной нужно повторить, потому что кто-то из наших защитников до удара из «стенки» выскочил, в другой верхний угол пробил. Мне помогла «форточка», я дважды успевал долететь до мяча из центра ворот.

— Такую «стенку» с «форточкой», откровенно говоря, мне видеть никогда не доводилось.

— И мне тоже. Причем не только у нас, но и в матчах зарубежных команд, на чемпионатах мира и Европы. Не знаю, почему вратари так не поступают.

— Вы играли в «Торпедо» и «Спартаке», всегда непримиримо сопер-

ничавших на поле. А в жизни? В какой из этих команд у вас было больше друзей?

— Нельзя сравнивать игроков по их принадлежности к тому или иному клубу. Наша плеяда — это в подавляющем большинстве люди, которые, образно выражаясь, пришли от сохи, из рабочих семей. Я сам из такой рабочей семьи, мы ценили наши отношения, дружбу, работу. Ценили все. Для нас было самой большой честью играть за классную команду, попасть в сборную. Я со Львом Яшиным немало лет провел в сборной, и у меня никогда не возникало сомнений и обиды, что он — первый, а я — второй. Никогда. Потому что это было счастье — играть в сборной.

Когда меня журналисты расспрашивают о Яшине, я чувствую, что им иногда хочется узнать что-нибудь эдакое о нем, в негативном смысле, о чем по прошествии стольких лет можно поведать читателям, телезрителям. И это мне не нравится. О Яшине ничего плохого нельзя сказать. Как и о Стрельцове, Воронине, Осянине, да и о любом из достигших известности футболистов прошлого. Лев Яшин был святым. Самый настоящий спортсмен, честный, порядочный во всем. Было

Московский «Спартак» — чемпион 1969 года. Нижний ряд (слева направо): Н. КИСЕЛЕВ, Е. ЛОВЧЕВ, Д. СИЛАГАДЗЕ, В. ИВАНОВ, Г. ХУСАИНОВ. Верхний ряд: Г. ЛОГОФЕТ, Н. АБРАМОВ, В. КАЛИНОВ, В. ПАПАЕВ, А. КАВАЗАШВИЛИ, Н. ОСЯНИН.

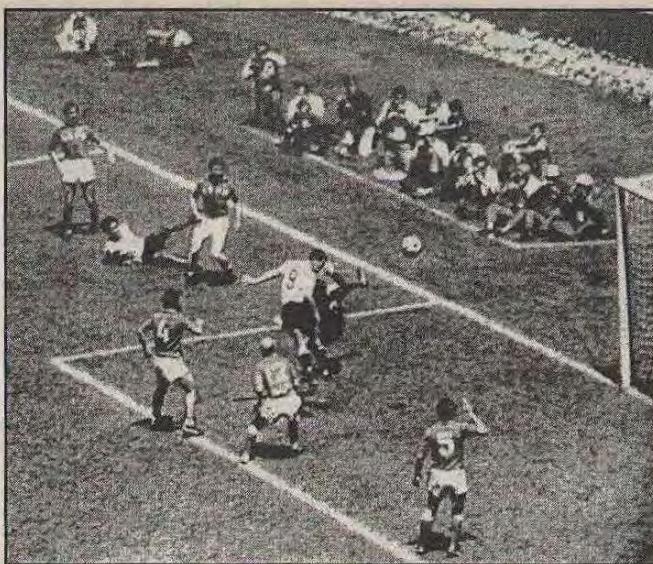

даже смешно, когда нам за рубежом предлагали заключить какие-то контракты с ведущими иностранными командами. У нас менталитет был другой, да и советская система не давала нам выбора, в нас воспитанием было заложено, что мы представляем в футболе нашу Родину, ее престиж, в нашей стране живут наши родные и близкие, которые на нас смотрят.

— Тридцатилетней давности чемпионат мира в Мексике закончился для сборной СССР после трагического проигрыша в четвертьфинале команде Уругвая. Как вы пережили вместе со своими товарищами этот жестокий удар судьбы?

— Это тот случай, когда нельзя сказать, что время — лучший лекарь. Ведь о нас до встречи с уругвайцами говорили как о вероятном призере чемпионата. И не без оснований. Мы заняли первое место в своей подгруппе, сыграв вничью с мексиканцами и победив сборные Бельгии и Сальвадора. С кем придется встретиться в четвертьфинале, определял жребий: или с Италией, или с Уругваем. Нам, конечно, хотелось иметь соперником сборную Уругвая, поскольку в шестидесятые годы мы постоянно обыгрывали уругвайцев. Помню, в Монте-видео после блестящего проявленной игры Галимзян Хусаинов был даже назван «бронзовым» в оправе сборной СССР.

На жеребьевку, за день до четвертьфинального матча, отправились Андрей Петрович Старостин и одессит Валерий Поркуян, которому всегда везло в картах. Ему и доверили тянуть жребий. А нас увезли за город — на природу. Вдруг видим спешащего к нам Старостина, который кричит: «Уругвай!» Мы все хором — «Ура-а!» Словно уругвайцев уже обыграли. А игру назначили на 12 часов дня. Зной, паяющее солнце в зените. Я вообще думаю, что этот матч мы психологически проиграли еще до его начала. Были уверены в победе. И поплатились! Не идет игра, Виталий Хмельницкий не забивает в пустые ворота... У уругвайцев тоже мало что получается, но они же

1970 год. Мексика. Четвертьфинальный матч чемпионата мира между сборными СССР и Уругвая. Нападающий уругвайцев Виктор ЭСПАРРАГО забивает в добавочное время единственный гол в этой игре. Анзор КАВАЗАШВИЛИ помешать ему не в силах.

технические, отобрать мяч у них трудно. Нулевая ничья в основное время матча. На исходе уже и дополнительных полчаса, а счет не открыт.

Трагедия произошла за три минуты до конца игры. Кубилла затаскал Валентина Афонина, который бегал за ним по всему полю по такой сумасшедшей жаре. Одно из единоборств закончилось тем, что Кубилла упустил мяч за линию ворот. Афонин поднял руку, сигнализируя судье, что мяч покинул пределы поля. Я из ворот быстрым сделал два шага в сторону мяча, чтобы его забрать и ввести в игру. А Кубилла развернулся, затащил мяч в поле, навесил по центру ворот, где находился свеженький, вышедший на замену Эспарраго. Я лечу назад, уже понимая, что не успею дать ему кулаком по голове, что он сейчас этой самой головой пошлет мяч в незащищенные ворота...

Я в жизни всего два раза плакал. Первый раз — когда в Ростове «Торпедо» проиграло, я три мяча пропустил, а на трибуне сидел мой отец. И второй раз — в Мехико, на стадионе «Ацтека», после этого злополучного гола. Среди вратарей я тогда первым номеромшел. Не боялся послематчевых пенальти, до которых оставалось всего три минуты доиграть. А выш-

ло так, что лучшим вратарем чемпионата признали уругвайца Иглесиаса Мазуркевича, который на следующий год был участником прощального матча Льва Яшина в Москве.

— Когда-то у нас было такое понятие: советская вратарская школа. Теперь оно почти забыто. Почему, на ваш взгляд, это произошло?

— Классных вратарей у нас было много. Я не видел Владислава Жмелькова, Анатолия Акимова, Алексея Хомича, Вальтера Саная и других замечательных вратарей старшего поколения. А тех, кого видел в свои игровые годы, когда сумел оценить их вратарские достоинства, перечислять могу долго. Лев Яшин, Владимир Маргания, Владимир Рудаков, Виктор Банников, Юрий Пшеничников... Если продолжить этот перечень, пальцев на двух руках не хватит.

Не хочу брать грех на душу, не знаю, как тренируются наши теперешние вратари, но я вижу, как они сегодня играют, и делаю свои выводы, исходя из качества их игры. Не каждый вратарь заигрывает за классную команду, и не каждый классный вратарь заигрывает в посредственной команде. Здесь должен быть общий дух, все должны подходить друг другу — по нутру, по настрою, по спортивной злости, без

которой не будет побед.

Если вспомнить о советской вратарской школе, то прежде всего следует сказать, что тогда мы знали: где-то есть классный вратарь, надо стремиться приблизиться к нему, и делали все, чтобы достичь своей цели. Не ругали на тренировках бьющих по воротам, когда они с трех метров добивали мяч. Я специально просил игроков: давайте, добивайте! Мы их травили, и они были рады. Особенно Гиля Хусаинов любил мячи добивать. Мы в ноги прыгали, ничего не боялись. За тренировку по 5 — 6 килограммов веса теряли.

Яшин был высокий, на выходах из ворот здорово играл. А у меня рост — 176 сантиметров, мне так на выходах не сыграть было. И я ставил перед собой восьмерых игроков, просил, чтобы они при подаче с фланга мяч в ворота руками забрасывали. А сам старался их опередить и поймать мяч. И так продолжалось до тех пор, пока не почувствовал, что и у меня пошла игра на выходах. В мое время с вратарями в каждой команде, начиная с детской, специальные занятия проводились. Нас на откуп полевым игрокам не отдавали: мол, лупите по воротам, и все тут!

Александр Филимонов и Руслан Нигматуллин сегодня лучшие в России вратари. Но я всегда говорю: избавьте меня от сравнения союзных вратарей с российскими. Просто хочу пожелать всем им стать наконец классными вратарями.

— Поздравляя вас с шестидесятилетием, не могу не спросить о ваших дальнейших планах на посту президента Российской ассоциации футбола.

— В наши ближайшие планы входит проведение самого массового детского турнира «Кожаный мяч» вместе с известной французской компанией «Данон». Если не вышло с большим футболом, то, думаю, с маленьким поговорят больше. Детей я всегда любил, сам начинал в дворовой команде. В футболе все начинается с мальчишек.

Беседовал
Сергей ШМИТЬКО.